

А.А. Вознин

*Без
преград?*

16+

Андрей Вознин

Без преград?

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Вознин А. А.

Без преград? / А. А. Вознин — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Прошлое... Что-то неизменное и незыблемое? Или есть варианты? А если это всего-лишь спортивная площадка для выяснения - кто ловчее и сообразительнее?

© Вознин А. А., 2009

© ЛитРес: Самиздат, 2009

Андрей Вознин Без преград?

Мрак кутал комнату призрачным туманом, разъедая границы предметов, низводя богатства цветовой радуги к однообразию серых полутонов. Наглухо зашторенные окна, непроницаемые и в яркий солнечный день, не давали немощной старушке Луне за стенами дома ни единого шанса заглянуть ко мне в гости. Избегаю свет в любых его проявлениях. И только слабо мерцающему на столе экрану монитора дано право привнести в мои владения клочок из царства Люцифера. Единственное открытое окно в мир, наполненный красками и жизнью. Но сегодня на страже чуждой реальности короткий часток кол цифр – 14.04.1912. Мой жребий. Ничего не значащая дата, не удостоившаяся пока и краткого упоминания в анналах истории, сколько ни перебирай лохматые тома древних фолиантов либо бесконечные терабайты электронной вселенной. Но это пока...

Неуловимая случайность сегодня оказалась более благосклонна к моему оппоненту – все-таки корректировка даты 1937 года, что на целых двадцать пять лет позднее, дает ему неплохие шансы что-нибудь выкружить из стремительно развивающейся техники. Однако не вижу смысла сетовать на несправедливость свершившегося – призрачное прошлое уже начинает настойчиво зазывать к себе в гости. И значит мне туда. На то и пси-паркур. Словно подслушав невысказанные вслух мысли, дата-задание исчезает с экрана, освобождая место любимой заставке – на фоне черной человеческой фигуры, застывшей в прыжке, языки пламени складываются в надпись: «Без преград!». Неофициальный девиз пси-трейсеров придает уверенности в своих силах. Для меня преград не существует!

Время – капелька янтаря, а я – скованная в застывшем золоте смолы мушка – сижу, скрючившись перед монитором, этаком сфинктере между мной и бесконечным океаном информации. Глаза нестерпимо ломит от перенапряжения, и приходится изредка их отводить в сторону, отдохнуть. И тогда пространство вокруг заполняют радужные фантомы, аквариумными рыбками плавающие по комнате...

Что-то выловить достойное из цифровой бездны пока никак не удастся. Мировая война, к сожалению, началась гораздо позже, и даже шальная мысль – попытаться развязать ее в самом начале столетия – без жалости отбрасывается прочь. Столкнуть лбами мировые державы, не имеющие на тот момент серьезных конфликтов интересов, идея абсолютно нереалистичная. И вправду, не создавать же новую религию, чтобы объявить очередной крестовый поход. Из интересных достижений технической мысли той эпохи – недавно появившиеся самолеты, но они бесполезны из-за своих пока еще ничтожных размеров.

Небоскребы Америки, строительство которых зародилось в конце девятнадцатого века, вначале показались внушающими определенный оптимизм. Но что делать с этими бетонными колоссами? Конечно, можно попытаться объединить самые последние на тот момент технические достижения человеческой мысли и направить самолет в одно из возносящихся в небеса зданий. Но... Получить достойный эффект вряд ли получится, в виду отмеченной легковесности летательных аппаратов. Что значат дерево и перкаль против железобетона? Вот если бы огромный цельнометаллический пассажирский самолет... Да не один... Да в два рядом стоящих небоскреба... Картинка для сми-шников получилась бы на загляденье.

Монструозные порождения технического прогресса – гигантские промышленные заводы... Взорвать завод? Например, пироксилиновый. Или анилиновых красителей. А что... Идея вполне себе впечатляющая. На фоне темнеющего в закате неба взрывы заводских корпусов будут смотреться по-библейски апокалиптически. И варианты можно подобрать вполне реализуемые. Я быстро перетасовал в голове несколько сценариев развития катастрофы: рабо-

чий бросает окурок в бочку с химическими отходами; нарушение технологии при смешивании азота с водородом в металлической емкости; попытка разрыхлить слежавшиеся запасы каких-нибудь сульфатов и нитратов мощной взрывчаткой... Последнее глуповато, конечно, но до какой только идиотии порою не опустится незамутненное интеллектом человеческое создание, особенно, когда свербит в пустой голове, а под рукою имеются неограниченные запасы взрывчатого вещества. Огромная воронка на месте небольшого баварского фабричного городка была бы отличным памятником людской глупости. Или... В голову пришла в меру бредовая идея создания лазерной установки полубезумным русским инженером, использующим ее для подрыва быстро развивающейся экономики Германии. Распоясавшиеся в темноте комнаты образы перепрыгивают с дымящихся руин завода на фееричное уничтожение лазерным лучом подвернувшейся английской эскадры броненосцев...

И тут течение моих мыслей, выходящих вокруг вариантов полуфантастических техногенных катастроф, само-собой выносит на океанские лайнеры, единственные технические сооружения, катастрофа с которыми по своим масштабам способна сравниться с ветхозаветными катаклизмами.

Как ни странно, и объект для воздействия находится довольно быстро. Короткий экскурс в историю начала двадцатого века сразу же наталкивает на знаковое пересечение моей даты с первым путешествием через Атлантику огромного корабля – настоящего гиганта, даже по современным меркам. Я бегло пробегаю по датам круиза – «... 10 апреля выход из Саутгемптонского порта, в тот же день остановка в Шербуре (Франция) для взятия на борт пассажиров, на следующий день остановка в Квинстауне для взятия на борт пассажиров и почты, 18 апреля конец путешествия в порту Нью-Йорка...». А что... Подходяще. Повеселев, насвистываю мелодию из «Шербурских зонтиков».

Мой соперник по жребии – лидер восточного региона пси-трейсеров. Это звание он получил за впечатляющее действо – взрыв космического челнока «Челленджер» при очередном старте с мыса Канаверал. Я и сам, съедаемый черной завистью, иногда пересматриваю архивные материалы этой катастрофы. Огромный белый цветок, неожиданно распустившийся в голубых небесах Америки, и два сатанинских рога, расчерченных обезумевшими твердотопливными ускорителями, надолго запомнились миллионам зрителей. На мой взгляд, это была самая эффектная победа за всю историю соревнований по пси-паркуру. Добиться настолько запоминающегося шоу, пускай и с минимумом жертв, мог только настоящий мастер. А у меня в душе с тех пор обосновался небольшой вертлявый червячок – с определенного ракурса во взрыве легко угадывался знак «V». И если он был исполнен сознательно, то это какой-то запредельный уровень...

Отбросив назойливые мысли о конкуренте, я обдумываю варианты дальнейших действий. Пожар в машинном отделении? Возможна ли гибель огромного корабля от пожара? Вполне. Хотя... Памятуя о «Челленджере», намного эффектнее, если огромный корабль взлетит на воздух от взрыва. Это будет гораздо красочнее, особенно на фоне ночного, усеянного огромными звездами, неба.

Случайная противокорабельная мина? А кто ее мог оставить в холодных водах Атлантики? Скорее тут более подойдет атака подводной лодки. Значит, следует попытаться отследить их движение... Чьих? Вопрос праздный – корабль ходил под флагом соединенного королевства Великобритании и Ирландии, следовательно, лодка кайзеровской Германии самое то. Что еще можно придумать? Усталость дает о себе знать все настойчивее, и в голову больше ничего дельного не приходит. Ну, и ладненько – пока остановимся на этих двух симпатичных вариантах. А начнем с торпедной атаки. Свистать всех наверх! Из глубин памяти всплывают слова старой пиратской песни:

– Пятнадцать человек на сундук мертвеца, Йо-хо-хо!

Неторопливо шагаю по городскому парку, в качестве тренировки прокалывая сферы сознания попадающихся навстречу редких прохожих. Особо не напрягаюсь и глубоко в чужие мысли не лезу – не растрачиваю напрасно ценный свой ресурс. В самом разгаре лето. Небольшой раскаленный кружок в зените жарит на всю катушку, и городские улицы на пике дня больше напоминают лабиринты раскаленной печи. Спасительная тень присутствует только в заросшем парке. Мои отвыкшие от дневного света глаза прикрыты черными очками-консервами, но это слабая защита – чувствую себя таким сварщиком, вкалывающем без продыху в погоне за недостижимым планом. Кажется, что Солнце буквально прожигает черноту стекла. Три последних дня без сна и пищи проявляют себя нетвердостью походки, да и восприятие реальности серьезно меняется. Колени дрожат, с трудом противостоя гравитации, а окружающий мир плавится и растекается под злыми лучами дневного светила. Иногда приходится аккуратно обходить стороной огромные провалы в структуре пространства, неожиданно разверзающиеся прямо передо мною. Тут и сам черт не поймет – то ли это забавы перестраивающегося сознания, то ли дорожники опять как попало накидали некачественный асфальт. И хотя со стороны я кажусь безумным шизиком, с этим ничего поделать нельзя: целенаправленный размыв реальности, это неперемное условие для начала глубинного пси-паркура.

Возможность проникать в чужое сознание – в узких кругах пси-трейсеров именуемое пси-паркуром – в пределах своей временной линии и без воздействия на поле событий, довольно несложное упражнение и обычно применяется на подготовительном этапе в качестве тренировки. Но осуществить ментальное воздействие на носителя, в чей разум ты проник, и которое приведет к изменению исторического поля, возможно только нечеловеческой концентрацией с полной отдачей всей накопленной энергии. А это требует перехода на более высокий уровень осознания. Поэтому строжайший пост с опасной балансировкой на грани сумасшествия не чья-то прихоть, а лишь суровая необходимость.

Неожиданно легкий ветерок толкает меня в спину, подхватывает бумажный мусор на тротуаре и швыряет в ближайший темный провал в асфальте. Внимание приковывает одинокий березовый лист – сорванный с ветки он плавно кружит в затейливом танце... Кружит прямо предо мною. А я слежу за ним... Время замирает... Пространство вокруг начинает пульсировать, обретая вполне осязаемые плоть и кровь... Тело теряет чувствительность... Мгновение... И меня поглощает стремительно меняющаяся реальность...

Затратив некоторое усилие, возвращаю едва прикоснувшееся к истинной свободе сознание в грубую материальность. Я готов. Быстро возвращаюсь домой, закрываю плотно все окна, двери, повсюду отключаю электричество. Приятная тишина растекается по пустым комнатам. То что надо – полумрак и ни единого звука. Таблетку под язык. Откидываюсь в кресле. Пространство вокруг колышется, подчиняясь странному ритму. Закрываю глаза... Мысли исчезают, предоставив ментальное пространство неуловимым образам, вмиг заполнившим мою внутреннюю реальность. Сладковатая истома охватывает тело. Начинаю чувствовать ток крови – ровную пульсацию в сложных переплетениях артерий и вен... Постепенно удары сердца сливаются с ощущением медленного покачивания в водах теплого первозданного океана. Жду... Откуда-то издалека приходит первая легкая волна, слегка пощипывающая расслабленные мышцы. За ней накатывает вторая, уже вооруженная острыми раскаленными шипами и... Следом третья с головой накрывает огромным валом просто нестерпимой боли. И эта БОЛЬ пожирает все тело: одуряюще ломит каждую косточку, обмякшие мышцы жжёт адским огнем, и неведомый спрут удавкой стального щупальца стягивает горло. Задыхаюсь, но терплю. Свора неведомых демонов терзает тело, рвет в клочья мышцы... Терплю этот безбрежный океан боли... Сама вечность по-свойски заглянула ко мне в гости... Т-е-р-п-л-ю... И вот впереди мелькает легкий отблеск спасения. Устремляюсь к нему... Свободен! Вынырываю из своего тела, разорванного болью, как выпрыгивает дельфин из объятий липких рыбацких сетей.

Наконец, я чистое, не обремененное веригами плоти, сознание. Упругая граница материального мира все еще неподалеку, и вокруг пока присутствует строгая иерархия смыслов. В ячейках структурированной сети витают нереализованные зачатки идей, которые можно отлавливать как экзотических рыбок... Осторожно освобождаюсь от жестких пут нашего временного силка, постепенно удаляясь от пульсирующей сети. Все начинает кружиться, переходя от строгого порядка к первозданному хаосу разрозненных зародышей информации. А я лишь маленькая свернувшаяся креветка плыву куда-то по своим маленьким делам...

Путь свободен. Начинаю очередное сказочное путешествие...

Никогда бы не подумал, до чего может довести, казалось бы, банальное увлечение гитарой и тяжёлым роком. А начиналось всё безобидным подражанием Джимми Пейджу и Ричи Блекмору. Конечно, их высот я достичь не смог, но неожиданно преуспел кое в чём другом. Слушая виртуозную игру, сколько раз чертыхался про себя, что не имею возможности присутствовать в самый момент появления их музыки – услышать хит двадцать лет спустя после его рождения, когда голова уже забита кучей разного хлама из подражателей и последователей, это сродни лицезнению хвоста безвозврата ушедшего поезда. А вот каково это присутствовать на первых концертах, когда услышанное проникает в твоё свободное, девственно чистое сознание? Какое это должно быть наслаждение. И оставалось только горько сожалеть, что не пришлось жить в эпоху монстров рока. Кстати, эта мысль в дальнейшем распространилась не только на музыку, но и на фильмы, театральные постановки, книги. Присутствовать в момент проникновения новой легенды в наш мир...

И как-то, тяжело заболев, я слёг с высоченной температурой, не в силах ни есть, ни спать. Малейшие движения давались с огромным трудом – слабость сковала тело не хуже железных кандалов. Несколько дней, счёт которым я потерял, промелькнули в горячке болезненного бреда. И только постоянно громышающая музыка моих кумиров не позволяла сознанию окончательно провалиться в черноту небытия. Тогда я уже жил один – родители остались в другом городе и ничем помочь не могли. В одну из ночей с зашкаливающей температурой, борясь с головной болью и ломотой в глазах, я внезапно осознал, что потерял ощущение своего тела. Попытался пошевелиться... Открыть глаза... И не смог! Перепугался страшно, думая что умер, и только звучащая из колонок Green River оставалась путеводным маяком. А вокруг творилась самая настоящая чертовщина: чернота за закрытыми веками начала прорастать неведомыми светящимися фигурами; они медленно раздувались до странных завораживающих образований, отрывались от породившей их тьмы и дефилировали мимо слабо фосфоресцирующими сгустками непонятной природы. Пришедший им на смену отовсюду источающийся свет окончательно стёр любое ощущение пространства и времени... В страхе я ухватился за странного вида оболочку, формой отдаленно напоминавшую сферу – она легко скользила по скрученному, словно из самого первозданного мрака, непонятному жгуту. И дальше мы уже понесли, если это странное смещение позволительно назвать движением, уже парой, и как мне казалось в само сердце Ада...

Так продолжалось по ощущениям практически вечность, причем, время там как таковое отсутствовало. Наконец мы оказались внутри огромной структуры из переливающихся сгустков – этикие собранные в одну кучу слабосильные энергетические «медузы». Периодически они все приобретали схожую форму сияния, словно подчинялись определенной команде. Или, точнее назвать, некой субстанции, возникающей из ниоткуда, накрывающей все пространство неким призрачным покрывалом и также безвозврата вскоре исчезающей. Странное сияние гасло вслед и снова проявлялось вместе с новым «туманом». Мой необычный проводник внезапно исчез, слившись с одной из «медуз» – буквально просочившись внутрь через проколотую оболочку. Оставшись в одиночестве, я задержался в ужасе и с разгона налетел на один из многочисленных вновь вспыхнувших сгустков... Ужасное мгновение неизвестности... Как вдруг

всё вокруг угасло, а призрачный «отовсюду» туман сменился знакомой мелодией! Я не сразу сообразил, что просто-напросто вновь начал видеть и слышать по-человечески. Но... Странное ощущение вроде бы привычного тела. Казалось бредовый сон прошел, но что-то ещё тяготило меня. А шевелить извилинами получалось непривычно туго, я бы даже сказал – со скрипом, который явственно ощущался в неповоротливых мозгах... Однако не по причине незапланированного путешествия – это, скорее, было что-то внутреннее. Оно кружило сознание, искажая перспективу. И только знакомая мелодия поддерживала, не давая окончательно свихнуться... Creedence Clearwater Revival – Born on the Bayou. Сколько воспоминаний растормошили в глубинах памяти знакомые рифы гитары Джона Фогерти. А рядом, кажется прямо в моём сознании, пребывал некто, кому это все было в новинку и в диковинку – его просто разрывало от бешеного восторга, который передавался и мне. Я словно раздвоился, одновременно присутствуя и там, и там...

Тело. Внезапно осознал, что оно двигается само по себе, независимо от моей воли. Привычное единство исчезло. Оказалось, что это тело не совсем моё... Как бы шизофренично это не звучало. А нахожусь я далеко не в своей квартире. И назойливо вертящиеся в голове вопросы: «Что со мной?» и «Я умер?» – оставались до поры без ответов. Последний вопрос казался наиболее вероятным. Только если это Ад, то какого черта тут делает Creedence? Постепенно, привыкнув к новой обстановке, начал воспринимать окружающее, как оно есть: ночь, огромное поле, кругом вповалку лежат тысячи людей. Многие в позах, живо напавших «Сад земных наслаждений» Иеронима Босха. Первое впечатление, что все они умерли... Хотя... Всё-таки оказалось, что банально спят. Один из кругов преисподней Данте? В воздухе витал устойчивый запах алкоголя и шмали. Что проясняло не совсем адекватную работу органов чувств, и странности, творившиеся вокруг. А метрах в стах впереди виднелась освещённая сцена, на которой... Я почувствовал, как земля уходит из-под ног... Молодой Джон со своим коллективом лабали на гитарах. Охренеть!

Плюнув на странности вокруг, оставив свои страхи, сомнения и нерешённые вопросы, я просто наслаждался выступлением любимой группы. Всё перемешалось в чудный коктейль: остатки моего страха, первозданный восторг соседа по сознанию, нереальная обстановка вокруг, огромная масса народа и музыка... Просто какое-то – остановись мгновение! И в какой-то миг мне показалось, что всё кругом замирает, скованное летаргическим сном, а оставшийся в одиночестве Фогерти вот-вот бросит играть для заблудших в царстве Морфея. Неожиданно сосед по телу, встревоженный моими мыслями, щелкнул зажигалкой и в восторге закричал на всё поле:

– Не беспокойся Джон, мы с тобой...

Отличный был концерт в Вудстоке. Незабываемый...

Еще одно коррекционное погружение в прошлое. Комната постепенно растворяется в небытие, а я, стиснув зубы, снова преодолеваю огненную границу боли... Наконец ощущение пылающего тела сменяется блаженным ничто. Обретенная свобода пьянит и будоражит. Жесткая иерархия материального мира вначале сменяется рыхлым лимбом, где утратившее связанность пространство соседствует с разрозненными обрывками информационных сгустков, пульсирующими кристаллами призрачных идей и мистическим светом, не имеющим источника и локализации. А дальше клубится первозданный хаос, лишь небольшими областями завихренный напоминающий некий вид порядка. Выбираю временную спираль, прорастающую сквозь мою историческую метрику, и даю затянуть себя в прошлое. Погружение в назначенную жребием дату отдаленно напоминает лихое скольжение по водяной горке аквапарка...

Нужный объект находится довольно быстро – не так много человеческих сфер сознания в нужный момент времени путешествует по Атлантическому океану. Каждое морское судно представляется этаким ульем со скоплением тускло светящихся «медуз». Некоторые периоди-

чески вспыхивают, переплетаются между собой тончайшими призрачными нитями. Эти слабо мерцающие пузырьки невозможно спутать ни с огромными китовыми шарами, странно раскрашенными радужными разводами на тончайшей пленке сознания, ни с бескрайним, источающим отстраненный холод присутствия, огромным нечто или точнее сказать некто. Мое первое внедрение происходит в сознание тянущего вахту офицера Кайзерлих Марин, и я обретаю способность непосредственно воспринимать антропную реальность...

Безлунная ночь. Над головой огромный черный купол небосвода с густой россыпью ярчайших звезд. Вокруг подводной лодки океан гладок, что поверхность глазированного торта, отчего не сразу и поймешь, где проходит разделение небес и вод. Мы идем в надводном положении, и нос лодки легко режет это бескрайнее чудо. Легкая соленая пыль, залетая с форштевня, пощипывает обветренные губы, напоминая, что это совсем не торт. Получив возможность присутствия в чужом человеческом сознании, я также обретаю и все его ощущения на промозгом металлическом мостике, предоставляющем защиту лишь в виде прорезиненного полога, натянутого на металлических стойках. И это посреди Атлантического океана! Проклятый холод. Конечно, это нельзя назвать моими чувствами, они словно отражения – не такие острые и яркие, как свои собственные... Но теплее от этого не становится.

Ходовой мостик «пятнашки» возвышается над водной гладью едва ли метра на два-три, отчего абсолютно нет ощущения защищенности от мирно спящего за бортом чудовища. Не хотелось бы оказаться здесь во время шторма, даже самого незначительного. Однако сейчас в условиях полного штиля, когда отражения звезд в черном зеркале океана не отличить от их оригиналов на небосводе, сложно отделаться от впечатления, что мой человеческий носитель мчится в пустом космическом пространстве. И холод только усугубляет иллюзию. Однако соседу по осознанию глубоко плевать на окружающие чудеса природы – его мысли крутятся вокруг приближающейся смены, тяжести в желудке от в спешке проглоченного ужина и последнего разговора с командиром, выразившим свое недовольство состоянием вверенного торпедного вооружения. На глубокого мыслителя мой носитель явно не тянет, и в этом есть своя прелесть – чем проще объект воздействия, тем легче с ним работать. Такие личности даже не в силах отличить свои собственные оригинальные мысли, если в кои-то веки они заведутся в голове, от внедряемых извне.

Я некоторое время прикидываю варианты взаимодействия, и что можно выкружить из этого приземленного баварца, далекого от красот небесных сфер: вахтенный начальник, конечно, важный офицер в деле корректировки временного поля, только в одиночку, даже запустив торпеды в сторону цели, обеспечить точное их попадание, как оказалось, он не в силах. Каким образом в экспериментальный поход затесался заместитель командира, слабо владеющий искусством построения торпедных атак, для меня осталось загадкой. Разбираться в этом непростом казусе ни времени, ни желания нет. Скорее всего, здесь проявило себя неистребимое во все времена армейское головотяпство. А торпеды, к сожалению, самостоятельно наводиться научат не раньше чем лет так через пятьдесят. Оставляю бесполезное сознание в его тяжелых раздумьях о тянущем вниз желудке и бесконечном пережевывании назидательного монолога командира лодки – подобная категория человеческих существ не в силах изменить что-либо не то что в исторической перспективе, но даже в своей убогой жизни. Так и проползет выделенный отрезок по временному тракту не мысля дальше своей пищеварительной системы... Образно выражаясь, конечно.

Отирающийся рядом на мостике унтер-офицер не вызывает доверия своим слишком аккуратным пробором усов. Чтобы так ухаживать за своей подбаковой растительностью, нужно иметь совершенно определенный склад ума. Да и его специальность – старший трюмной группы – для моих целей никак не подходит. Разве что захочется отправить лодку в последнее погружение.

Следующий носитель оказывается коком. Наверное так проявляет себя мое затянувшееся голодание. Маат черпаков и бачков беспокойно ворочается на узкой шконке не в силах уснуть. До подъема для кормежки заступающих и сменяющихся вахтенных остается около трех часов, а сон всё никак не приближается ближе пары кабельтов. Ночное освещение отсека с трудом выхватывает из темноты окружающие предметы, мистически превращая переплетения систем на переборках и бортах в отвратительных гадов, замерших в ожидании момента, когда можно будет сорваться со своих мест и удушить немногочисленный экипаж лодки. Теснота ужасает, а проклятый сумрак крадет и то небольшое свободное пространство, что позволяет, хотя и с трудом, но дышать. Хочется вскочить и ринутся мимо спящих сослуживцев, через бдящий в ночи центральный пост, пустую в надводном положении рубку... Наплевав на чины, к люку на свободу... С трудом давя это желание в зародыше. Проклятье! Что со мной? Неожиданно понимаю, что это носителя мучает жуткая клаустрофобия, а я лишь оказываюсь под воздействием волн панических атак. Интересно, и как же это его угораздило попасть служить на подводную лодку? Ночное освещение вместо навивания снов порождает жутких чудищ, а постоянный гул работающих механизмов отгоняет жалкие крохи сна, пытающиеся проникнуть в утомленное сознание. Да и периодически капающий с бимсов на лицо холодный конденсат сну как-то не особо способствует. Но нет худа без добра – рождаемые в бессоннице мысли кока помогают мне немного разобраться в иерархии команды. На удивление маат дает в плане знакомства с экипажем гораздо больше офицера на ходовом мостике. А может это так сказывается здоровый желудок, не утомляющий сознание своей постоянной тяжестью. Во всяком случае понимаю, что надо искать сознание командира. Остальные варианты не подходят. И когда носитель с привычными проклятиями в адрес Кайзера поворачивается носом к борту, я покидаю его.

Ранее проведенные «рейды» по ментальным пространствам старших офицеров имперского адмиралтейского штаба Кайзерлих Марин подготовили историческое поле для финального воздействия. Хотя и не просто было убедить консервативных служак на организацию атлантического похода еще не введенной в состав флота новейшей подводной лодки. Как же инертно человеческое сознание для всего нового и необычного. Особенно, если это новое и необычное исходит от настойчиво проявляющегося в ночи внутреннего голоса. Как ни странно, германские вояки в двенадцатом году еще слабо представляли себе всю силу подводного флота. Отсутствовала общая концепция применения, и даже тактика выхода на цель еще не была проработана как следует. И это в преддверии крупнейшего военного столкновения в истории человечества! Воистину – адмиралы всегда готовятся к прошлым войнам.

В поисках командира невесомым сгустком энергии пси-паркуюсь из сознания в сознание немногочисленного экипажа «пятнашки». Вне материального мира определить чей ментальный образ перед тобой практически невозможно, ну разве что примерно судить о силе интеллекта по интенсивности свечения. Да и то, лишь очень приблизительно. Поэтому приходится наугад протыкать каждую светящуюся сущность: копающийся в промасленных железках моторист – ни то...; замерший над рацией фельдфебель – ни то... Однако основная масса морячков спит по шконкам, и я периодически оказываюсь в их вычурных сновидениях...

Иду по каменистой местности, а вокруг снуют откормленные хрюшки – лезут под ноги, глупо тычутся пяточками, подталкивают сзади. Мой носитель в ожидании взбучки от отца пытается их загнать обратно в теплый хлев, но проклятые животные все пребывают и пребывают. И вроде бы как надо радоваться такому обильному приплоду в стаде, но становится понятно, что сейчас всех без разбора погонят на убой – и взрослых хряков, и молоденьких поросят. Я внезапно осознаю, что и нам не избежать этой участи под ножом мясника, которому плевать на богатый духовный мир отдельно взятой свиньи. Но как же определиться в чей сон

меня занесло? Сомнительно, что это командир, но с уверенностью утверждать не возьмусь. Может, он ярый поклонник свиных сарделек.

Для сновидений подавляющего большинства людей привычным является, что спящий более реагирует на окружающую движуху, не особенно анализируя происходящее и не пытаясь задействовать свой самый совершенный в мире инструмент – интеллект. Если у моего визави, конечно, он достаточно развит... Быстро перебираю возможности для более точного отбора. Ага... Представляю запах гари, и в тот же миг неподалеку вспыхивает деревянный сарай. Копытные с визгом кидаются в разные стороны, едва не сбивая реципиента с ног. Пламя с гулом возносится в бездонные небеса, готовое вот-вот поглотить и всю местность вокруг. Мой временный сосед по сознанию хватается подвернувшееся под руку ведро и бежит к ближайшему водоему. Ясно – это сознание отнюдь не офицера, заточенного раздавать команды. Без сожаления покидаю фермерский вертеп с фейерверками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.